

Соч.: Люди и ложи. М., 1990; Железная женщина. М., 1991; Повести. М., 1992; Чайковский. СПб., 1993; Рассказы в изгнании. М., 1994; Курсив мой. М., 1996; Избранное. Чертова кукла: роман, повести и рассказы. М., 1997; Биянкурские праздники. Рассказы в изгнании. М., 1997; Неизвестная Берберова: Роман. Стихи. Статьи. СПб., 1998.

Лит.: Витковский Е. Почерк Петрарки // Берберова Н. Курсив мой. М., 1996; Медведев Ф. «Кристалльным» пером о «железной женщине» // Берберова Н. Железная женщина. М., 1991.

В. В. Попов

БЕРГГОЛЬЦ Ольга Федоровна [3(16).5.1910, Петербург — 13.11.1975, Ленинград; похоронена на Литераторских мостках Волкова кладбища] — поэт, прозаик.

Отец — потомок обрусевшего шведа, взятого в плен при Петре I, был заводским врачом, мать — учительница кройки и шитья при заводской школе. Детство прошло за Невской заставой, населенной заводским людом. Писать стихи начала рано. Первое стих. «Пионерам» появилось в газ. «Ленинские искры» 27 сент. 1925. С этого времени она постоянно печаталась в детских и молодежных изд.— «Ленинские искры», «Смена», «Юный пролетарий», «Комсомольская правда» и др. В 16 лет вступила в группу «Смена», которой руководил И. Садофьев, затем В. Саянов. Член группы Б. Корнилов стал ее мужем. В знаменитой песне Б. Корнилова из



О. Ф. Берггольц

кинофильма «Встречный» («Вставай, не спи, кудрявая...»), положенной на музыку Дм. Шостаковичем, одна из строф принадлежит ей. Первые книжки Б., появившиеся в конце 1920 — начале 1930-х, были для детей: «Как Ваня поссорился с баранами» (1929), «Пионерская лагерная» (1931), «Углич» (1932). В повести «Углич» есть приметы ее детства, развернутые впоследствии в «Дневных звездах». В 1930, окончив филол. ф-т ЛГУ, уехала на журналистскую практику — сначала на Кавказ, затем в Казахстан. О многом из того периода жизни она рассказала в своих первых очерковых книгах: в «Глубинке» (1932), повести «Журналисты», «Зерна» (1935), рассказе «Ночь в „Новом мире“» (1935), «Пимокаты с Алтайских» (1934). По ее словам, она многим обязана своим учителям — М. Горькому, С. Маршаку, Н. Тихонову, К. Чуковскому. Многим она была обязана и своему второму мужу — Н. Молчанову, литературоведу. В 1938 у нее умерли обе маленькие дочери, а в конце того же года она была арестована.

Она провела в тюрьме около 7 месяцев. В тюрьму попала беременной, но от избиений на допросах родила мертвого ребенка. Тюрьма, тяжелое общенародное горе, которое в это время запечатлевалось в «Реквиеме» А. Ахматовой, многое ей открыли. Когда-то, чуть не в детстве, она написала «Каминную дудку» — необъяснимо пророческое стих. о своей судьбе. В ней говорится, что сначала дудка была глиной, которую везли в телеге, потом ее обжигали в огненной печи, и, пройдя через огонь, она стала звонкой. Б. рассказывала один из эпизодов своих тюремных страданий — как ее везли по тюремному двору на телеге в больницу и как потом, едва оправившись, она пела вместе с сокамерницами антифашистские песни. У нее был высокий чистый голос — голос каменной дудки.

Муза Б.— Мельпомена, дочь Зевса и Мнемозины, музы Памяти. В одной руке она держит трагическую маску, в другой — меч. Пройдя через тюрьму и вглядываясь в близкую войну, Б. в конце 1930-х ощутила в своей душе все три ипостаси Мельпомены; трагическая маска уже вплотную приблизилась к ней, память вобрала в себя и настоящее и будущее («Большое Время»), слово изострилось, предчувствуя битву.

Но у нее была и русская эмблематика, найденная, как ни странно, тоже в юности, казалась бы, солнечной и счастливой: «Полынь, полынь, моя трава, / На всех путях лежит...» («Носжала рот упрямо я...»). Полынь в стихах Б.

так же глубоко символична, как роза у А. Ахматовой или рябина у М. Цветаевой.

Главное, что пришло к Б. в испытаниях конца 1930-х,— ощущение слитности с народом, его жизнью и бедой, из которых главная, война, еще впереди. В духе высокой трагедии зазвучали тогда стихи не одной Б. Важным поэтическим и общественным событием была книга Н. Тихонова «Тень друга», стихи И. Эренбурга, А. Ахматовой («В сороковом году»), П. Антокольского. Б. пишет большой цикл стих. «**Европа. Война 1940 года**». Он посвящен И. Эренбургу. Здесь Б. заговорила как поэт высокого трагедийного звучания. Если предшествующие стихи были горестными, то произведения этого цикла обрели широту дыхания и полнозвучие голоса. Она пишет о толпах обезумевших матерей, о детских обугленных ручонках, о темной ночи, распростертой над Европой, о темно-красных реках, несущих людской прах. Вскоре все это возникнет и на российских выжженных просторах, а также и в ее родном городе, трагедия которого превзойдет все известные в истории масштабы. Она писала о Европе, но пророчила о своей собственной стране.

Б., как известно, стала символом блокадного Ленинграда. До войны она была малоизвестна, и потому ее необычайный факельный взлет многим казался неожиданным. На самом деле внутренне, духовно, душевно и поэтически, она была готова к своему подвигу. С авг. 1941 Б. стала работать в Ленинградском радиокomitee. Сейчас на стене этого здания — ее барельефный потрет и живые цветы. Работа ее на Ленинградском радио имела для его жителей и для войск колоссальное значение. Когда страдания города, лишённого хлеба, воды и света, перешли все мыслимые пределы, именно голос Б., ежедневно звучавший в омертвевших квартирах, оказывался особенно дорог. Есть много свидетельств того, как слово Б. спасало людей от смерти. Б., недавнюю комсомолку, молодую коммунистку, называли «ленинградской мадонной», подвижницей, святой. «По вершинам, вечно обнаженным, / Проходила жизнь моя, звеня... / И молились Ксении Блаженной / Темные старушки за меня...» («**По вершинам, вечно обнаженным...**»).

Стихи Б. тех трагических дней были строги и скупы на слова, в них не было ни особой инструментовки, ни, тем более, богатства красок, они были аскетичны и просты. Всего две краски: белая, как снег, и черная, как дым городских пожаров, а голос, с трудом пробивавшийся сквозь треск радиозифира, бывал доверительно тих.

В годы блокады и войны Б. написала много лирических стихов, вошедших в книги «**Ленинградская тетрадь** (1942), «**Ленинградская поэма**» (1942), «**Ленинградский дневник** (1944), «**Ленинград** (1944), «**Твой путь**» (1945); часть радиовыступлений собрана в книге «**Говорит Ленинград**» (1964).

Наряду с лирическими стихами Б. написала несколько поэм: «**Февральский дневник**» (1942), «**Ленинградская поэма**» (1942), «**Памяти защитников**» (1943), «**Твой путь**» (1944). Их она тоже читала по радио или вставляла фрагментами в радиовыступления. Особое место занимает поэма-реквием «**Памяти защитников**» — она многократно отозвалась затем и в различных стихах, и в книге «**Дневные звезды**» (1959), окончательно запечатлевшись, окаменев, в мемориальной надписи на Пискаревском кладбище. Поэма «**Твой путь**», возникшая в блокадном городе, дала начало драматичным стихам послевоенных лет, отозвавшись неожиданно и своеобразно во многих произведениях (цикл «**Перед разлукой**», 1956).

Тема памяти, всегда существовавшая в художественном сознании Б. в очень широком диапазоне, была главной в послевоенном творчестве. Она организовала и инструментовала большую поэму «**Первороссийск**» (1950), посвященную первой коммуне, возникшей на исходе Гражданской войны на Алтае, и монументальной героико-романтической трагедии «**Верность**» (1954).

Первые послевоенные годы, как, впрочем, и последующие, были нелегкими для развития реалистической, правдивой лит-ры. Т. н. «теория бесконфликтности», стремление политического и лит. руководства сгладить и подлакировать военную историю и современность Б. переживала тяжело и неоднократно выступала в печати и на собраниях СП с бескомпромиссными требованиями правдивости, честности и искренности.

Автобиографическая повесть «**Дневные звезды**» (1959) была самым ярким и совершенным произведением в лирико-исповедальной прозе, начавшей, не без влияния этого произведения, бурно развиваться в 1960-е. Формула «самовыражения», выдвинутая Б. в одном из выступлений, стала внутренним идейно-эстетическим стержнем этой книги, широко распахнутой как в прошлое автора и страны, так и в настоящее и будущее, образовав то «**Большое Время**», что и является главным героем повествования. Книга лирична и существует на самой грани

стиха — она поэтически субъективна, эмоциональна и страстна. Сама Б. вспоминала в связи с нею — как некий ориентир и масштаб — «Былое и думы» А. Герцена.

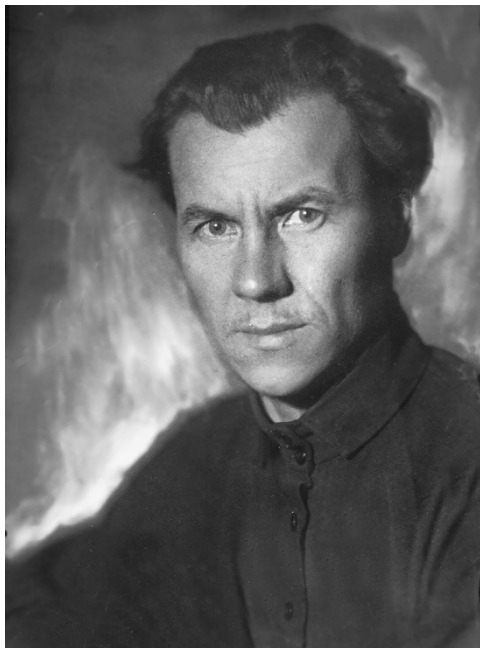
Естественно, что бескомпромиссность Б. ее правдивость, искренность, отстаивание «самовыражения» вызывали яростные нападки со стороны охранительной критики. В статьях «**Разговор о лирике**» (1953), «**В защиту лирики**» (1954) и в выступлении на XI съезде советских писателей (1954) она полемизировала с ними (особенно с Н. Грибачевым и А. Софроновым), отстаивая право художника на творческую свободу. Она же первой подняла вопрос о необходимости пересмотра догматических Постановлений ЦК партии 1946–48. Она считала, что в них был нанесен удар по обоим крылам искусства, по трагедии и комедии. «Дневные звезды» Б. считала своей главной книгой. Над 2-й частью она работала до последних дней своей жизни. Фрагменты этой так и не законченной части были опубликованы в 2000 в книге «**Встреча**».

Б. вошла в историю русской лит-ры XX века как крупный и своеобразный художник, запечатлевший важнейшие страницы жизни своей страны. Ее творчество было примером сопротивления режиму сталинской эпохи. В лит.-общественной памяти своих современников и новых поколений она навсегда останется символом героического блокадного Ленинграда. Подобно А. Ахматовой, создавшей «Реквием» миллионам узников тюрем и концлагерей, Б. создала реквием сотням тысяч погибших ленинградцев. После смерти она хотела быть похороненной на Пискаревском кладбище — вместе с 600 000 блокадников, которые, безусловно, слушали, не могли не слушать ее голос. Но и это ей было запрещено.

Соч.: Соч.: в 2 т. М.; Л. 1958; Соч.: в 3 т. Л., 1988–90; Избранные произведения: в 2 т. М., 1967; Избранные произведения. Л., 1983; Дневные звезды. Говорит Ленинград. М., 1990; «Прошлое — нет!»: Стихи. Поэмы. Из рабочих тетрадей / сост. М. Ф. Берггольц. М., 1999; Встреча. Дневные звезды. Часть I. Часть II. Главы. Фрагменты. Письма. Дневники. Заметки. Планы. М., 2000.

Лит.: Павловский А. И. Стих и сердце: Очерк творчества Ольги Берггольц. Л., 1962; Банк Н. Ольга Берггольц: Критико-биографический очерк. Л., 1962; Воспоминания Ольгу Берггольц. Л., 1979; Рубашкин А. Голос Ленинграда: Ленинградское радио в дни блокады. Л., 1960; Хренков Д. Т. От сердца к сердцу: О жизни и творчестве О. Берггольц. Л., 1982.

А. И. Павловский



Я. П. Бердников

БЕРДНИКОВ Яков Павлович (по др. данным Петрович) [10.1899, с. Вановье Тамбовской губ.— 5.3.1940, Москва] — поэт.

Родился в крестьянской семье. Учился в церковно-приходской школе, но не окончил ее. С 11 лет начал трудовую деятельность «мальчиком» в сельской пекарне. В 1902 вместе с родителями приехал в Петербург. После долгих скитаний по заводам и фабрикам города приобрел профессию токаря. «1905 год,— сообщает Б. в автобиографии,— метнул меня в бурный водоворот восстания ленинградских рабочих, и за вывоз на тачках мастеров и распространение прокламаций РСДРП я был в 1908 г. выслан на родину» (**Автобиография**. С. 74). Вернувшись из ссылки в Петербург, работал на Путиловском заводе токарем. Участие в революционном рабочем движении послужило толчком к творчеству.

Б. принадлежит к поколению пролетарских поэтов (М. Герасимов, В. Кириллов, В. Александровский, В. Казин, И. Садофьев и др.), которое получило свое оформление в 1912–14 — в пору предвоенного подъема рабочего движения, было воспитано «Звездой», «Правдой» и представляло позднее поэзию Пролеткульта и «Кузницы». Самые ранние стихи Б. распространялись устно и в списках среди рабочих. Первым печатным выступлением Б. было стих. «**Завод**» («**Промчалась буря с тучей громовою...**»),